

Особенности современной модернизации России

Яков Пляйс

Различия в подходах к современной российской модернизации

После публикации 11 сентября 2009 г. в ведущих центральных газетах¹ статьи Президента России Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» и обнаружении 12 ноября того же года его Послания Федеральному Собранию Российской Федерации в печати появилось огромное количество материалов различного содержания и тональности. Большинство авторов одобряет не только саму идею системной модернизации России, но и те задачи, которые для этого надо решить.

Немало авторов, однако, весьма скептически относятся как к самой идее модернизации, так и к возможности осуществить ее в современной России. Для примера сошлюсь на две-три

декабрьские (2009 г.) публикации из этой серии.

Начну со статьи известного публициста и философа *А.С.Ципко* «Можно ли модернизировать хромую лошадь?», опубликованной в «Независимой газете» 16 декабря 2009 г. под рубрикой «карт-бланш».

«Пока у нас нет самого главного для какой-либо модернизации, – считает Ципко, – не только способности и потребности к самосовершенствованию, о чем все время говорит Дмитрий Медведев, но и элементарной самодисциплины, самоконтроля, без которых человек не может жить и работать в условиях техногенной цивилизации».

По убеждению Ципко, российская элита, «у которой все самое главное в жиз-

ПЛЯЙС Яков Андреевич – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: prof.pleis@politwiss.de.

Ключевые слова: современная российская модернизация, внутренние и внешние факторы.

ни – и сам, и дети, и деньги – там, за границей», тоже ничего не может сделать для модернизации страны. «Самое страшное и самое трагическое, – пишет он, – состоит в том, что на самом деле у нас нет субъекта перемен, нет ни узкой, ни массовой политической силы, которая бы всерьез стремилась к облагораживанию нашей убогой российской жизни.

Многочисленные тексты, посвященные рассуждениям о грядущей модернизации, – это на самом деле не всерьез, это дымовая завеса: или для проявления лидеру «модернизационного меньшинства», или для прикрытия уже начавшейся борьбы за президентство 2012 г. Но на самом деле нет ни у кого ни сил, ни желания выпечить нашу хромую лошадь и наконец-то поставить ее на ноги.

Даже так называемые модернизаторы на самом деле не хотят ни демократии, ни подлинно свободных альтернативных выборов. Они на самом деле хотят, чтобы именно их кумир, их лидер приобрел решающие высоты накануне решающей схватки за власть. Грустно, но у нас в России, к сожалению, по-другому, по светлому и радостному бывает очень редко*.

Для полноты картины к приведенным цитатам Ципко добавлю еще одну, также имеющую принципиальное значение. «Рискну утверждать, – пишет он, – что так называемое «путинское консервативное большинство», которое действительно боится перемен, обладает куда большим здравым смыслом, более развитым инстинктом самосохранения, чем идеологи «модернизационного меньшинства».

Другим достаточно скептически настроенным по отношению к нынешней российской модернизации является член-корреспондент РАН *К.И.Микульский*.

В пространной концептуальной статье «Шанс на обновление», опубликованной в той же «Независимой газете» 23 декабря 2009 г. он пишет, что «перспективы модернизации остаются туманными, не определены достаточно конкретно контуры экономического будущего страны и тем более пути продвижения к нему».

По мнению этого автора, модель устройства общественной жизни, созданная за 1990-е и 2000-е годы, противоречит «задаче подъема экономики и продвижения к социальному благополучию», а «все намеченные шаги в направлении модернизации говорят скорее об ориентации на возвращение к докризисному состоянию экономики, но не ее инновационном развитии», что «утвердившаяся в России в настоящее время общественная модель не только существенно затрудняет модернизацию экономики, но и, по большому счету, отодвигает ее реализацию на неопределенное время», что многие « пороки российской общественной системы делают сомнительной возможность эффективных усилий по модернизации экономики».

Нет смысла продолжать цитирование подобных мнений и оценок других авторов. В них не меньше скепсиса и критики. Но немало и таких работ, в которых наряду с негативом содержится достаточно конструктивных, в том числе свежих идей, как выйти из сложившейся ситуации и провести модернизацию.

О многочисленных материалах в поддержку модернизации и ее позитивном потенциале нет особой необходимости говорить, так как в них содержатся в основном мажорные оценки и,

* Критическое отношение к российской модернизации А.С.Ципко выражал неоднократно. Например, в статье «Есть вещи страшнее русского бунта» (НГ. 29.06.2010) он пишет, что для около 80% российского населения, не имеющих вкладов и накоплений, живущих от полочки до полочки, от пенсии к пенсии, «которые тем не менее ходят на выборы и обеспечивают мало-мальскую легитимность власти, все эти модные разговоры о модернизации, об инновациях, о Сколково, о привлечении инвестиций, равносильны сотрясанию воздуха».

как в старые, добрые времена, выражается твердая уверенность, что все планы непременно будут осуществлены. Тем не менее, среди этих работ есть, конечно, и такие, в которых достаточно реалистично оценивается не только существующая ныне ситуация, но и что надо делать, чтобы модернизировать страну.

В связи с этим обращаю внимание читателя на несколько интервью, которые в последние месяцы 2009 г. журналу «Итоги» дали высокопоставленные политики и бизнесмены.

Начну с интервью первого заместителя руководителя президентской администрации, зампреда комиссии при Президенте России по модернизации и технологическому развитию экономики *Владислава Суркова*, озглавленного «Обновляйтесь, господа!»².

Отвечая на вопрос, «что именно в Кремле подразумевают под понятиями «модернизация» и «инновации»* Сурков отметил: «В данном случае слово «модернизация» – термин в достаточной мере условный. Если перевести его буквально, то это «осовременивание». И здесь, как уже не раз говорил Президент, подразумеваются два направления работы. Первое – это непосредственно модернизация, то есть подтягивание экономики до современного уровня...

Вторая часть куда сложнее. Ее можно было бы назвать футуризацией... Это, собственно говоря, и есть путь инновационного развития».

Справедливо отмечая, что «мы сырьевая страна не только по сути экономики, но и по нашей ментальности», а «отечественный бизнес все еще не ориентирован на понимание того, что главным конкретным преимуществом являются уникальные знания и технологии»,

В.Сурков делает следующие вполне обоснованные выводы:

1. Если мы остаемся сырьевой державой, мы обречены на прозябание. В принципе проблема состоит не только в примитивности сырьевой экономики, в ее слабости и уязвимости.

2. Сырьевые общества больше склонны к стагнации. Надо осознать, что если мы не преобразуемся, мы обречены если не на распад и гибель, то на поражение в мировой конкурентной борьбе и довольно унылое существование.

3. Собственные наши интеллектуальные силы невелики. Поэтому никакой суверенной модернизации не может быть. Тут я поставил бы обратную задачу. Чем более открытыми и дружелюбными мы будем и чем больше мы благодаря этому сможем получить от передовых стран денег, знаний, технологий, тем сувереннее и сильнее станет наша демократия.

Следующее интервью принадлежит помощнику президента России *Аркадию Дворковичу*³, который, как и В.Сурков, является, на мой взгляд, одним из основных идеологов модернизационного проекта.

Отмечая в интервью, что «Россия стоит на пороге перехода к новой модели экономики», что «всем приходится задумываться о том, чтобы не отстать безнадежно от лидеров, не оказаться на обочине прогресса», что «желание двигаться дальше у многих уже появилось, но система этому пока препятствует», что «большинство пока не скрывает скептического отношения, выражая сомнение, что обозначенные цели достижимы в обозримой перспективе», Дворкович делает следующие выводы:

– качество жизни людей в процессе инновационных изменений ухудшаться не должно, иначе все потеряет смысл;

– хотя что-то будет ощутимо уже через два-три года, «поворот всей экономи-

* Так вопрос был сформулирован потому, что подобные призывы, обращенные к народу, звучали в нашей стране и раньше: клич к «индустриализации», затем к «развитому социализму, «ускорению», «500 дней».

ческой системы займет более длительный период в десять-пятнадцать лет»;

– привлечение международных экспертов в тех областях, где мы заметно отстаем.

Интересны также размышления и идеи другого известного российского экономиста, президента РСПП *Александра Шохина*, высказанные в интервью тому же журналу «Итоги» от 9 ноября 2009 г.

Он, в частности, считает, что «модернизации, основанные только на технологических инновациях, не дают ответа на вопрос, какая должна быть при этом модель общественного устройства и рынка».

Отвечая на вопрос, кто должен отвечать за модернизацию – модернизационный штаб президента или правительство, Шохин отметил: «Я сторонник того, чтобы это было правительство, осознающее свою ответственность за будущее страны».

Подобно многим другим аналитикам, Шохин также считает, что «нам, конечно, неплохо было бы иметь некий образ политического, государственного, экономического устройства страны, который является целью модернизационной политики. У нас есть программа-2020, но в ней это не сформулировано».

Авторы сознательно (или по рекомендации старших товарищей) обошли многие вопросы развития институтов модернизации, включая политические ее аспекты, судебную систему и т.д.».

Шохин уверен, что «нужно не бояться «догоняющей» модернизации, когда вы используете лучшие доступные технологии и максимально сокращаете технологические разрывы. С этой платформы можно и стартовать, пытаясь выйти в лидеры».

Общий вывод, к которому приходит Шохин, состоит в том, что хотя в 2012 г. по основным абсолютным показателям экономика России будет восстановлена, ее структура, похоже сохранится прежней.

«Мне кажется, – говорит он, – что принципиальных изменений не произойдет и в отношении снижения роли патерналистской экономической политики в пользу сти-

мулирующей. Все-таки политика до 12-го года в силу приближающихся выборов будет ориентироваться на минимизацию социальных последствий кризиса».

Немало суждений и откровенных идей содержится также в статье главного редактора журнала «Свободная мысль», доктора экономических наук *Владислава Иноземцева*.

Озаглавленная «Вперед, Президент!», статья заканчивается словами: «Я убежден: Д.Медведев искренен в желании изменить и улучшить Россию. При всей его непоследовательности он заслуживает понимания и поддержки. Вперед, Дмитрий Анатольевич! Мы верим Вам и желаем успеха!»⁴.

В статье, однако, немало критики в адрес проекта модернизации. Системные меры, по мнению Иноземцева, «почти отсутствуют»; экспансия госкорпораций, несмотря на выступления президента против их засилья, продолжается. «При всем своем стремлении (как минимум, на словах) модернизировать экономику страны, – пишет Иноземцев далее, – глава государства не готов пойти на решительную демополизацию, которая несомненно необходима для модернизационного прорыва. Хотя он выступает за ускоренное технологическое развитие, почти ничего не делается для того, чтобы его результаты более активно внедрялись в производственный процесс. А слова о развитии демократии пока отнюдь не отзываются большей транспарентностью выборов и гарантиями равного права на участие в них – скорее наоборот, как это показали региональные выборы 11 октября»⁵.

Наибольший интерес, на мой взгляд, представляют шаги (их 7), которые, с точки зрения Иноземцева, надо сделать российскому Президенту, чтобы модернизировать страну. К этим шагам он относит:

1 – определение цели модернизации России (в качестве таковой должна стать, по мнению Иноземцева, *новая индустриализация*);

2 – обеспечение конкуренции управленцев, которая «заведомо предшествует конкурентоспособности экономики, а в

значительной мере — даже определяет ее;

3 — разделение функций инвестора и контролера;

4 — минимизация административных издержек, которые сегодня несут коммерческие организации;

5 — борьба с коррупцией;

6 — принуждение бизнеса (как государственного, так и частного) к инновациям;

7 — создание соответствующих структур власти и управления, специально занимающихся и отвечающих за модернизацию — «Федеральную службу по модернизации Российской Федерации, которая играла бы роль, сравнимую с ролью Госплана СССР».

По мнению Иноземцева, «глава государства рано или поздно должен будет найти ответ на два фундаментальных идеологических вопроса, которые сыграют критически важную роль в том, сможет ли Россия пойти по пути модернизации».

Это, во-первых, вопрос о внешнеполитической ориентации, или вопрос «идеологического самоопределения». По убеждению Иноземцева, Россия должна модернизироваться, опираясь на Европу.

Второй вопрос касается ориентации внутривнутриполитической.

Медведеву, считает Иноземцев, необходимо «санкционировать (быть может, поначалу скорее косвенно) появление демократического движения в поддержку модернизации»⁴.

Кстати говоря, эту идею выдвигают и другие авторы. Например, известный отечественный элитолог *Ольга Крыштановская*.

К сказанному хочу добавить, что темой современной российской модернизации Владислав Иноземцев занимается весьма основательно и много, что легко объяснить, если не забывать, что он хорошо знаком (это видно по его работам) с опытом модернизации ведущих стран мира как на Западе, так и на Востоке.

В качестве последних (на момент написания этой статьи) упомяну статью «Америка поможет с модернизацией?», опубли-

кованную в газете «Известия» 18 июня 2010 г. и его же интервью «Московской неделе» тех же «Известий» от того же 18 июня.

В нем он в очередной раз отстаивает свою давнюю позицию, состоящую в том, что двигатель модернизации в России — государство, которое «должно быть и основным финансистом, и основным «зазывальщиком» инвесторов. Один российский частный бизнес выполнить эту задачу не сможет».

Не стану дальше утомлять читателя изложением и пересказом различных подходов и суждений относительно современной модернизации России. Скажу лишь, что внимательное ознакомление с ними позволяет сделать совершенно определенный выбор: *почти все они страдают отсутствием методологического подхода*.

Что я под этим имею в виду?

Во-первых, такой серьезный проект, как модернизация всех сфер жизни страны, должен включать не только конечную цель и конкретные задачи, которые надо реализовать для достижения этой цели, методы и средства ее достижения во всем их многообразии, этапы движения к цели, лозунги и пр. Уже одно это, четко и убедительно изложенное, привлечет на сторону проекта немало сторонников.

Всякий, и тем более глава государства, кто берется за серьезное и трудное дело, обязан не только отчетливо понимать, почему его надо осуществлять, что и как делать, но и кому это дело по плечу. Иначе говоря, инициатора любого дела должны беспокоить прежде всего, такие вопросы, как: *возможно ли реально его осуществить, кто это будет делать, есть ли для этого силы и средства?*

В таком деле, как нынешняя российская модернизация, нужен только *комплексный подход*, а он-то как раз и не просматривается у ее идеологов, ни

у архитекторов, в чем мы будем иметь возможность убедиться ниже. Но преж-

де попробуем разобраться в дефинициях модернизации.

Некоторые размышления о дефинициях

При анализе проблемы современной российской модернизации (см. Справочно) необходимо учиты-

вать несколько принципиальных моментов, в том числе таких, которые имеют отношение к дефинициям.

Справочно

По определению Малого энциклопедического словаря (изд. АСТ и издат. Астрель, 2000) *модернизация* – это «изменение, усовершенствование, отвечающее современным требованиям, вкусам». с. 436.

Что касается *политической модернизации*, то, согласно Политической энциклопедии (изд. «Мысль», 1999. Т. I. С. 724–726): «Модернизация политическая – изменение политич. системы, характеризующееся возрастающим участием в политике различ. групп населения (через политич. партии и группы интересов) и формированием новых политич. ин-тов (разделение властей, политич. выборы, многопартийность, местное самоуправление). Обычно понятие «М.п.» употребляют применительно к органам, осуществляющим переход к индустриальному обществу и демокр. политич. устройству. В этом случае подчеркивается, что М.п. – это импортирование традиционными об-вами новых социальных ролей и политич. ин-тов, сформировавшихся в рамках зап. демократий. Возникнув в кон. 50-х гг. как теоретич. обслуживание политики Запада по отнош. к развивающимся странам, концепция М.п. в конечном итоге превратилась в обоснование некоей общей модели глоб. процесса цивилизации, суть к-рой в описании характерных черт и направлений перехода от традиционного к рациональному об-ву в рез-те научно-тех. прогресса, социально-структурных изменений, преобразования нормативных и ценностных систем.

В этой концепции выделяются 2 типа модернизации: 1) оригинальная, спонтанная модернизация, характерная для стран, переживших переход к рациональным обществ. структурам в рез-те постепенного, длительного развития внутр. процессов (Англия, США); 2) вторичная, отраженная модернизация, характерная для стран, по тем или иным причинам отставших в своем развитии и теперь за счет широкого использования опыта передовых гос-в пытающихся догнать их по уровню и качеству жизни, своего рода «осовременивание вдогонку». Осн. фактором вторичной модернизации являются социокультурные контакты с уже существующими центрами индустриальной и постиндустриальной культуры. С опред. долей условности можно говорить о существовании 2 этапов в развитии теории М.п. Возникла она в США, и первоначально ее суть сводилась к обоснованию идей заимствования отсталыми странами Азии, Африки и Лат. Америки ряда уже готовых и апробированных в развитых странах политич. ин-тов (централиз. гос-во, парламент, многопарт. система, всеобщие альтернативные выборы, разделение властей и т.д.) и ценностей (эконом. и политич. свобода, индивидуализм). М.п. на начальном этапе развития данной теории воспринималась как а) демократизация развивающихся стран по зап. образцу; б) одновременно условие и следствие успешного социально-эконом. роста стран «третьего мира»; в) рез-т их активного сотр-ва с развитыми гос-вами Зап. Европы и США.

По мнению известного ученого экономиста, директора Центра исследований постиндустриального общества, руководителя проекта www.modernizatsya.ru, уже упоминавшегося ранее В.И. Иноземцева, «слово «модернизация» используется для обозначения процесса становления зрелого индустриального общества, для описания монтажа архаичных структур. Понятие «инновационная экономика» относится к более высокому типу общества, в котором, как писал К.Маркс в XIX столетии и Дэниэл Белл в XX, наука «становится непосредственной производительной силой», а «прогресс общества все более однозначно определяется успехами в области знания». Модернизации в XX веке неоднократно превращали аграрные и полундустриальные общества в промышленные державы, но нигде не приводили к становлению экономики знаний. Последняя развивалась естественно, а на формирование ее уходило, как правило, несколько десятилетий». (*Иноземцев В. Модернизация или инновации? // Независимая газета. 2009. 22 июня.*

Первый из них связан с типами модернизаций, выявленных историческим опытом различных народов.

Главный, базовый, наиболее эффективный и прогрессивный тип модернизации – это *естественная, или эволюционная*, которая существовала во все времена, существует сейчас и будет всегда. В Малом энциклопедическом словаре этот тип обозначен как *оригинальная, спонтанная модернизация*. Такую модернизацию, на мой взгляд, точнее определять как прогрессивное развитие.

Эта модернизация основана на развитии производительных сил и производном от них развитии производственных отношений, которые, в конечном счете, ведут к смене общественных систем. Происходит это потому, что формирующиеся в ходе этого процесса новые общественные группы, слои, а затем и классы, постепенно развиваясь и накапливая все большую энергию и силу, со временем неизбежно начинают претендовать (сначала робко и латентно, а затем открыто и все более решительно) на политическую власть.

Таким образом, **из экономической модернизации (или эволюции) неизбежно вырастает политическая.**

Из всех типов модернизации эволюционный тип не только наиболее функционален, но и наименее затратен и потому наиболее эффективен. Однако для того, чтобы этот тип возник и устойчиво развивался, необходимы стабильные, сбалансированные системы общественных отношений, охватывающие все сферы жизни. Все эти системы должны быть в обязательном порядке конкурентными и инновационными, то есть способствующими созданию нового продукта и его продвижению и закреплению. При этом если в любой из сфер образуется застой, это, безусловно, приведет к нарушениям в функцио-

нировании всего общественного организма в целом.

Сферы общественной жизни – это сообщающиеся сосуды и то, что происходит в одном из них неизбежно сказывается на состоянии другого.

Принципиально иная модернизация – *вынужденная, догоняющая*.

На нее обречены отстающие от авангардных стран государства и народы. Обречены потому, что отставание с течением времени все больше превращается для них в прямую открытую угрозу.

Догоняющая модернизация по многим параметрам значительно более неэффективная, затратная и некомфортная. В том смысле, что она вынуждает искать образец для копирования, находить ресурсы и средства, перераспределять их в пользу тех сфер, которые необходимо модернизировать в первую очередь, неизбежно ущемляя при этом другие сферы (как правило, социальные), что ведет к росту напряжения в этих сферах и их отставанию.

В результате система разбалансируется и начинает давать сбои. Чтобы исправить ситуацию, власти вынуждены в срочном порядке изыскивать дополнительные ресурсы, перераспределять их, что ведет к новым дисбалансам и т.д. Эти ресурсы зачастую ищут и находят за рубежом, ибо своих, как правило, не хватает. В этой ситуации тот, кто ищет, оказывается в зависимом положении и вынужден соглашаться на самые тяжелые, а порой даже кабальные условия.

Другое дело, если у нуждающегося в модернизации есть нечто такое, например, большие деньги, что привлекательно для тех, кто обладает передовыми технологиями, опытом, знаниями и т.д., необходимыми модернизирующемуся. В этой ситуации жаждущий может чувствовать себя значительно увереннее, торговаться, ставить свои условия.

Но если нет денег, а есть что-то другое, например, богатые природные ресурсы, большой рынок сбыта, привлекательные для обладателей передовыми вещами, то это также значительно упрощает и облегчает положение модернизирующегося.

Кроме того, есть еще одно обстоятельство, и это – мировая конкуренция между обладателями передовых вещей за рынки сбыта, которая также дает шанс модернизируемому.

Но что же из сказанного вытекает для нас?

Вытекает хотя бы то, что ситуация для России не безнадежная, так как есть немало такого, что весьма привлекательно для внешнего мира и тех же передовых стран.

Что же это?

Это, прежде всего, богатые разнообразные ресурсы, очень необходимые западным странам, обладателям передовых технологий, знаний, менеджмента и пр. Это обширный рынок сбыта; достаточно квалифицированная рабочая сила, более дешевая, чем западная; не до конца еще растроченный и погубленный научный, образовательный и культурный потенциал. Это, наконец, кое-какие финансовые средства и кое-что еще.

Вместе с тем нет и достаточных оснований утверждать, что нынешняя ситуация вполне комфортная для того, чтобы быть *хозяйном* положения и определять условия, на которых передовые в техническом отношении страны будут продавать (или предоставлять) свое ноу-хау, менеджмент и пр. Нуждающийся и просящий априори находится в ущемленном положении. Поэтому ему, как правило, приходится уступать первому.

Догоняющая модернизация имеет немало и других недостатков.

Во-первых, тот, что в поиске образца для подражания очень легко ошибиться. Это особенно верно в отношении политической, идеологической и духовной сфер, то есть тех сфер, которые имеют дело с системой идейных и моральных ценностей нации. Проще дело обстоит с продовольственной и техническими сферами. В отличие от морально-этических ценностей передовые научно-технические и инженерные достижения одних стран достаточно легко и быстро приживаются в других.

Во-вторых, тот, кто заимствует передовой образец, обычно попадает в разного рода зависимость от хозяина модели и обладателя того, что нужно отстающему. А зависимость – это всегда плохо, это, как правило, выполнение каких-либо неблагоприятных и даже неприемлемых условий. Кроме того, хозяин положения нередко ставит перед тем, кто нуждается в модернизации, не просто тяжелые, а кабальные условия, на которые, хочешь-не хочешь, приходится соглашаться.

В-третьих, догоняющая модернизация – это, как правило, *мобилизационная модернизация*.

Иначе говоря, в условиях угрозы и, соответственно, острой нехватки времени отстающему приходится расставлять приоритеты и выбирать те сферы, которые нуждаются в обновлении в первую очередь*. Именно на этих направлениях концентрируются главные силы и разного рода ресурсы. Это не может не сказываться отрицательно на состоянии и развитии других сфер.

По этой причине догоняющая или вынужденная модернизация – самый тяжелый, сложный, напряженный и в целом малопродуктивный тип модернизации.

* Так поступал, например, СССР. Также поступают все тоталитарные режимы.

Поэтому не случайно, население быстро разочаровывается в такой модернизации и устает от нее, требуя покоя и стабильности. Так было практически со всеми российскими и советскими модернизациями, после которых не случайно наступали периоды застоя и спада.

Несмотря на все свои недостатки, догоняющая модернизация дает определенный эффект и в целом позволяет сократить отставание от лидеров и приглушать остроту проблемы. Однако после застоя ситуация повторяется. Поэтому выход один: создать такие системы, которые обеспечат *опережающую модернизацию*. Именно это тот тип, который нужен России сейчас и который заслуживает специального описания.

Однако прежде надо заметить, что опережающая модернизация в самом общем смысле слова это ни что иное как эволюционная модернизация, то есть первый тип.

Постоянно осуществляемая, она и обеспечивает опережающее развитие.

Но о чем же в таком случае речь? А речь идет на самом деле о том, может ли догоняющая модернизация превратиться в опережающую и, если может, то при каких условиях?

Догоняющая модернизация, осуществляемая, как уже говорилось выше,

О соотношении внутренних и внешних факторов в современной российской модернизации

Если внутреннего потенциала не хватает и если, тем более, он находится в плохом или ослабленном состоянии, как это имеет место в сегодняшней России, страна, поставившая себе цель модернизироваться, вынуждена полагаться главным образом на внешние факторы: инвестиции, технологии, менеджмент, знания, опыт и пр.

Но так ли печально обстоят дела в России, чтобы делать выводы о неиз-

по образцу какой-либо передовой модели, может стать опережающей, но **при одном непременном условии**: если она не только догонит передовиков, то есть авангардные страны, но и создаст системы, обеспечивающие более высокие темпы роста, что позволит ей в конечном счете вырваться вперед.

Неплохо изученный опыт послевоенной Японии, молодых тигров Азии, в частности, Южной Кореи, Малайзии, Сингапура, а затем и Китая – это все наглядные иллюстрации к сформулированному выше тезису.

Современные темпы развития Индии и Бразилии также подтверждают этот вывод.

Поэтому наша задача состоит в том, чтобы изучить и повторить опыт этих стран с учетом, разумеется, нашей специфики. Иначе говоря, нам нужна опережающая модернизация именно такого типа.

Но встает вопрос, что надо России для такой модернизации и сможет ли она ее осуществить сейчас, особенно если иметь в виду, что раньше она была способна лишь на догоняющую модернизацию?

Ответ на этот судьбоносный вопрос лежит в плоскости соотношения ролей внутренних и внешних факторов в нынешней модернизации.

бежности опоры в модернизации на внешние обстоятельства? В общем и целом, к большому сожалению, да, действительно весьма печально.

Чтобы не быть голословным в столь важном и принципиальном утверждении, начну с краткого анализа состояния российской науки и образования, призванных быть основным двигателем нашего инновационного прорыва, а, значит, и модернизации страны.

НАУКА. Известный обозреватель Леонид Радзиховский так охарактеризовал ее общее состояние: «Сегодняшняя российская наука есть свет погасшей звезды – Большой Советской Науки.

Долгая инерция, долгое прощание, медленное угасание... И просто экстренной накачкой деньгами тенденцию не сломить – уже сложилась инерция распада»⁵. Свой вывод Радзиховский предвещает большим количеством убедительных и достаточно известных данных.

Доли стран в мировых расходах на научные исследования в 2008 г. составляли: США – 35%, ЕС – 24%, Япония – 13%, КНР – 11%, Россия – 2,2%. Если сопоставить эти цифры с ВВП этих стран от мирового ВВП – США – 20%, ЕС – 23%, Россия – 3% – то получится, что доля расходов США на науку почти в 2 раза превышает их вес в мировой экономике; в ЕС эти доли пропорциональны; в России доля расходов на науку в 1,5 раза меньше доли в мировом ВВП.

По другим подсчетам, на фундаментальные научные исследования в США и Японии тратится 0,5% от национального ВВП, в то время как в России – 0,16%.

Но важно и то, насколько эффективно тратятся деньги, выделяемые на науку. Одним из показателей этой эффективности являются научные публикации.

Если мерять этим показателем, то картина становится еще более удручающей, ибо доля США в мировых научных публикациях – 29%, ЕС – 33%, Японии – 7,8%, Китая – 5,9%, а России – 2%.

Но дело не только и даже не столько в публикациях, сколько в их реальной пользе, измеряемой в том числе в выпуске качественно новой продукции.

При 2,2% мировых расходов на науку и 2% мировых публикаций доля России на мировом рынке высокотехнологичной продукции – 0,3–0,4%, в то время как доля США – 35–40%, что вполне сопоставимо с их расходами на науку – 35% США регистрируют треть патентов в мире, а Россия – 0,3–0,5%.

Столь удручающее состояние современной отечественной науки (и не только науки) – результат прежде всего «лихих» 90-х годов.

Так, с 1990 по 2008 г. число научных сотрудников в России сократилось с 1 млн. до 375 тыс. Особенно быстро этот процесс развивался в те самые 90-е.

В то же время число научных работников в США выросло с 1050 тыс. в 1995 г. до 1 400 тыс. в 2007 г., в ЕС, соответственно, с 950 тыс. до 1300 тыс., в Китае с 500 тыс. до 1450 тыс.

И хотя в 2000-е годы ситуация начала понемногу выправляться*, основные проблемы, образовавшиеся в 90-е годы, остаются.

Это:

– огромный разрыв поколений, при котором практически отсутствует среднее, самое важное и сильное звено – от 30 до 50 лет (лишь около четверти сотрудников РАН – моложе 40 лет);

– слабая связь с практикой и поэтому крайне низкая эффективность – традиция, уходящая своими корнями в советские времена и выливающаяся в

* Например, с 2000 по 2009 г. госрасходы на РАН выросли номинально в 10 раз (с 5 млрд. до 50 млрд. руб.), а с поправкой на инфляцию и реальную покупательную способность рубля – не менее чем в 5 раз. Общий бюджет РАН в 2009 г. составил свыше 3 млрд. долл., в то время, как, бюджет общества Макса Планка (АН Германии) – около 2 млрд. долл. Кроме того, в науку вновь потянулись молодые люди.

крайне низкую практическую пользу науки*.

Другая напасть: наша экономика чурается и сторонится науки и то, что ей нужно, она очень часто покупает по высоким ценам за границей.

В последние годы мы начали отставать даже от Индии. Пример Индии в данном случае более показателен, чем скажем, пример США, стран Западной Европы или Японии, которые уже давно отладили у себя эффективную инновационную политику и лидируют в этой области. Индия же подключилась к этому процессу позже этих государств. Тем не менее в последние 2–3 десятилетия производство и технологии развиваются в этой стране очень высокими темпами.

И это не взирая на то, что высшее образование в этой стране имеют только 4,5% населения, в то время как в России – 75%.

Несмотря на это, Индия захватила мировой рынок в программном обеспечении, аутсорсинге информационных технологий – 65%, в бизнес-аутсорсинге и инжиниринге – 45%.

Располагая одной из лучших в мире математических школ, Россия производит в 60 раз меньше программных продуктов, чем Индия.

В 2010 г. объем экспорта информационных и телекоммуникационных услуг из Индии достигнет четверти того, что Россия получает от продажи нефти и газа.

Все это стало возможным, прежде всего, благодаря тому, что в Индии создана благоприятная для инноваций среда. Это материализовалось, например, в создании множества разнообразных инновационных структур.

Основные из них: совет по технологическому развитию (объем 1,5 млрд. долл.), Программа развития и демонстрации технологий, Индийская ассоциация венчурного инвестирования, Банк поддержки малого и среднего бизнеса, Национальный венчурный фонд программного обеспечения и информационных технологий (объемом 250 млн. долл.), Фонд развития мелких и средних предприятий (более 1 млрд. долл.)**.

В Индии каждый год совершаются сотни сделок прямого инвестирования и венчурные проекты объемом до 10 млрд. долл.

По объему госсредств с огромным отрывом лидируют биомедицина и биотехнологии, затем идут транспорт, инжиниринг, химия, сельское хозяйство***.

Большинство индийских инновационных компаний базируется в 30 технопарках, в каждом из которых работает до 15 тыс. чел.⁶.

Стоит ли удивляться, что доля России на рынках наукоемкой продукции составляет всего лишь 0,3–0,5%, что в десятки и сотни раз меньше аналогичной доли развитых стран. Если к тому же учесть, что продолжается сокращение числа малых инновационных

* Интересные и важные оценки, рассуждения и идеи содержатся в интервью академика В.Захарова, известнейшего российского математика (Российская газета. 2010. 16 июня). Не менее важные констатации о сегодняшнем состоянии российской науки и предложения по исправлению ситуации мы находим в интервью академика Р.Нигматулина (ИГ-наука. 2010. 23 июня). В нем он, в частности, говорит о том, что на финансирование РАН в 2010 г. выделено около 50 млрд. руб., или 1,7 млрд. долл. Очень показательны и другие данные, приведенные академиком Нигматулиным. «Вспомним экономику технологического развития, – говорит он, – 1 руб. – на фундаментальную науку, 10 руб. – на отраслевую и 100 руб. – на внедрение. Сейчас вместо 1 руб. имеем 30 коп. на фундаментальную науку, 5 коп. – на отраслевую, 1 руб. – на внедрение при отсутствии «позывов» на внедрение».

** Для сравнения: размеры Российского фонда информационных и коммуникационных технологий и Российской венчурной компании – 53 млн. долл. и 600 млн. долл.

*** В России в технологические проекты вкладывается около 100 млн. долл., а сделок совершается не более полусотни в год.

предприятий и числа научных сотрудников, то перспективы России в области инноваций становятся еще более пессимистичными.

Слабая востребованность производством достижений науки и техники имеет следствием беспрецедентно высокую энергозатратность и не только экономики, но и всего нашего образа жизни. На единицу продукции в России уходит в несколько раз больше ресурсов, – энергии, воды, топлива, металла, дерева – чем в высоко развитых в техническом отношении странах.

«Энергозатратность, – пишет московский мэр Ю.М. Лужков, – в очень серьезной степени определяет отсталый тип нашей экономики. Для нее характерна низкая конкурентоспособность отечественной продукции на внутреннем и глобальном рынках. Допотопный уровень производительности труда в экономике. Буксующее импортозамещение. Удручающие бюджеты российских домашних хозяйств и несовременное качество жизни людей. Высокая интенсивность истощения запасов и потенциала экспорта энергоносителей, увеличение необходимых инвестиций в их добычу.

При сохранении существующего уровня энергозатратности, через 15–20 лет мы окончательно пройдем «точку невозвращения» в неконкурентоспособности нашей страны и рискуем потерять экономическую состоятельность нашего суверенитета. Россию может ждать тогда «дожигание последних дней»: стремительное скатывание в периферию глобальной экономики и политики без надежд на будущее»⁷.

В перечне высоких технологий Россия колоссально отстает от мировых лидеров.

Лишь в ядерной области она на 96% соответствует этому уровню, в ракетно-космической технике – на 86% и спецметаллургии – на 70%, что является следствием масштабной модернизации этих областей в СССР после войны, осуществленной в рамках атомного и ракетного проектов.

Из-за своей общей технологической отсталости Россия вынуждена закупать

в 3 раза больше технологий, чем продавать, в то время как у мировых лидеров соотношение обратное.

ОБРАЗОВАНИЕ. В ускоренном преодолении российской технологической отсталости важную роль должна сыграть отечественная система образования, в первую очередь профессионального образования, в особенности высшего. Если она не будет готовить тех специалистов, которые способны творчески, качественно и оперативно, то есть в ногу со временем, решать возникающие проблемы социально-экономического, политического, духовного развития, то никакая модернизация, ни догоняющая, ни тем более опережающая не состоится.

В конечном счете все делают люди, способные выполнить те задачи, которые перед ними ставят. Без соответствующих профессиональных знаний, базу которых они получают сначала в системе образования, а затем уже на практике и снова в системе образования, доучиваясь, перучиваясь, стажирясь и т.д., ни одну сложную задачу и тем более модернизационную, решить невозможно.

Между тем ситуация в системе российского образования не намного лучше, чем в науке. Быстрая коммерциализация образования в 90-е годы позволила, с одной стороны, удержаться системе на плаву, не потонуть в море рынка учительскому и преподавательскому корпусу, а с другой – заметно негативно сказалась на качестве преподавания, а значит и на конечном результате. Вынужденным выживать, работая на нескольких работах, многим преподавателям было уже не до высокого качества своей работы.

К коммерциализации вскоре прибавились и другие не менее важные новшества. Наиболее существенные из них следующие: революция в содержании обучения, выразившаяся, во-первых, в смене системы идейно-политических и

духовных ценностей, переходе к рыночным отношениям, либеральной демократии и т.д., и, во-вторых, в присоединении в 2003 г. России к Болонскому процессу и взятым ею в связи с этим обязательствам к 2010 г. интегрироваться в единое европейское образовательное пространство⁸.

Перечисленные обстоятельства в совокупности с еще одним, также немаловажным фактором – технической революцией, проявившейся, в частности, в компьютеризации и интернетизации учебного процесса – означали не что иное как вторую, не менее значительную и фундаментальную революцию в системе образования, чем первая, случившаяся после октября 1917 г.

Если бы даже не было Болонского процесса, всего остального также было бы вполне достаточно, чтобы происходящее в системе образования квалифицировать как революцию.

В условиях социальной революции, охватившей Россию в начале 90-х годов, ничего другого в системе образования, кроме революции и не могло случиться. А революции никогда и нигде не проходят гладко и беспроблемно. Особенно, если их архитекторы и менеджеры, разрушая старое, толком не знают, что и как строить взамен.

Так было и в значительной степени остается сейчас в России. Именно поэтому система образования оказалась к началу 2000-х годов в том плачевном состоянии, из которого она не вышла

до сих пор, несмотря на значительные разнообразные реформаторские усилия, предпринимаемые государством в последние годы.

Речь идет, в частности, о создании ряда крупных национальных университетов, о дифференциации университетов на инновационные, исследовательские и, так сказать, обычные, рядовые вузы, о стимулировании их научной деятельности, предоставлении им права заниматься предпринимательской деятельностью, в том числе венчурным бизнесом и т.д.

Потребуется, конечно, немало времени, чтобы все это отладить и привести в нормальное рабочее состояние, но важно уже то, что положено начало соединению науки и практики непосредственно в вузах. Для западных университетов это обычная практика, давно ставшая традицией.

Развитие научных центров на базе университетов по западному образцу – это для нашей страны новшество, которое еще должно себя зарекомендовать и прижиться. Кстати говоря, это тоже часть той революции в сфере образования, которая была начата в 90-е годы прошлого столетия.

Но как бы ни развивалась ситуация и в сфере науки, и в сфере образования (если даже весьма позитивно и благополучно), ущерб нанесенный этим сферам в «лихие» 90-е, будет крайне сложно восполнить, если вообще возможно.

Не развивая дальше тему науки и образования, дополненную частично темой о состоянии промышленности, можно, на мой взгляд, сделать достаточно ясный и однозначный вывод о том, что внутренних факторов и ресурсов у сегодняшней России недостаточно даже для догоняющей модернизации. (Если, конечно, не прибегнуть к испытанной мобилизационной модели, ограничивая социальные программы, рост благосостояния граждан и прочие вещи, что сегодня, судя по всему, не пройдет).

Что же в таком случае делать?

На мой взгляд, в настоящее время надо сделать акцент на внешних факторах, использовании передового зарубежного опыта, технологий и инвестиций.

Собственно говоря, это уже делается все последние годы, например, в авиастроении, автомобилестроении и в других областях.

Но особую активность в этом направлении наши власти, начиная с высших руководящих стран, проявляют в последние месяцы.

Наиболее убедительное подтверждение этому мы находим и в XIV международном экономическом форуме, состоявшемся в Санкт-Петербурге 17–19 июня 2010 г.⁹, и в визите президента России Д.А.Медведева в США 22–23 июня того же года. Еще одно подтверждение этому видно в содержании саммита, Россия – ЕС, состоявшемся 31 мая – 1 июня нынешнего года в Ростове-на-Дону.

Акцент на внешние факторы не означает, разумеется, что о развитии внутренних факторов не надо беспокоиться. Как раз наоборот. Их надо всячески развивать, чтобы со временем (весьма желательно не в очень отдаленном будущем) создать базу и все условия для устойчивой эволюционной, перманентной модернизации. Именно в этом и состоит принципиальное отличие нынешней российской модернизации от всех предыдущих, то есть в ее двухэтапности и плавном переходе от первого этапа мягкого мобилизационного ко второму – эволюционному. Цели и задачи этих этапов (или, иначе говоря, программы минимум и программы максимум) различны, как и методы и формы их реализации.

Если на первом этапе основная цель и вытекающие из нее конкретные задачи – восстановление промышленного, научного и всякого другого потенциала (весьма желательно на новой базе, что как раз и будет модернизацией) и создание основ эволюционных систем развития, то на втором этапе надо реализовать цель завершения формирования эволюционных систем государственной и общественной жизни. В этом и заключается суть методологии современной российской модернизации.

При таком подходе роль и соотношение внутренних и внешних факторов будет постепенно меняться. На первом этапе основную роль будут играть внешние факторы, а на втором – внутренние.

Заключая, отмечу следующее. Нынешняя модернизация принципиально отличается от всех предыдущих в ее целях и задачах не только в международных и внутренних условиях ее проведения, не только в методах и формах ее реализации, но и в ее судьбоносности.

Примечания

¹ Российская газета, Известия. 2009. 11 сентября.

² Итоги. 2009. 26 октября.

³ Итоги. 2009. 28 декабря.

⁴ *Иноземцев В.* Вперед, Президент! // Свободная мысль. 2009. № 11. С. 16, 6, 8–15.

⁵ Российская газета. 2010. 8 июня.

⁶ *Лесков С.* Миллионер на слоне // Известия. 2009. 9 апреля.

⁷ *Лужков Ю.* Кризис и наша расточительность // Российская газета. 2009. 3 июля.

⁸ Современное вузовское образование: российский и европейский опыт / Авт. коллектив под ред. Я.А.Пляйса, Д.А.Силичева. М.: Финансовая академия, 2006; Российский и зарубежный опыт модернизации высшего образования. Сб. научных статей / Под ред. Я.А.Пляйса, Д.А.Силичева. М.: Финансовая академия, 2008; Формирование политического и исторического сознания будущих экономистов: опыт, проблемы, перспективы. Сб. научных статей / Под ред. Я.А.Пляйса, Н.А.Размановой. М.: Финакадемия, 2010.

⁹ Известия, Российская газета, Независимая газета. 2010. 17, 18 и 21 июня.